

ЛЮБОВНЫЕ СУМАСБРОДСТВА ДЖАКОМО КАЗАНОВЫ

Эдвард Радзинский

ЛЮБОВНЫЕ СУМАСБРОДСТВА ДЖАКОМО КАЗАНОВЫ

Загадки истории – 6

*...Но тикают часы,
весна сменяет одна другую, розовеет небо,
Меняются названья городов,
И нет уже свидетелей событий,
И не с кем плакать, не с кем вспоминать,
И медленно от нас уходят тени,
Которых мы уже не призываем,
Возврат которых был бы страшен нам...*

Анна Ахматова

ЛЮБОВНЫЕ СУМАСБРОДСТВА

www.cssc.narod.ru

Старик писал свою книгу промозглыми ночами в холодном замке в Богемии. Старик вызывал тени. Книгу он назвал – «История моей жизни». И начал он ее в год мистический – 1789-й. В тот год там, далеко за окнами замка, в Париже свершилась революция.

Революция должна была похоронить мир, который описывал старик.

Старик работал по двенадцать-тринадцать часов в сутки, и к страшному 1793 году полсотни лет его жизни уже уместились в десяти томах.

Все эти годы до него доходили слухи о парижских ужасах. Прах кардинала Ришелье выбросили из гробницы на парижскую мостовую, и мальчишки, дети парижской черни, развлекались – пинали ногами голову, которая столько лет правила Францией. Мощи Святой Женеьевы – покровительницы Парижа, свезли на Гревскую площадь, изрубили мечом палача на эшафоте и сбросили в Сену. В соборе Парижской Богоматери устроили склад. Принцессу де Ламбаль, подругу Марии Антуанетты, обезглавили, голову воздели на пику, вырвали сердце и тоже воздели на пику. Голову красавицы с запекшейся кровью и выбитыми зубами, ее кровоточащее сердце носили перед окнами венценосной подруги...

Он не знал госпожу де Ламбаль – она, наверное, еще не родилась, когда он впервые прибыл в Париж... Нет, его женщины – те, кого он любил: уже лежали в могилах. Бог дал им счастье не увидеть этих ужасов.

Впрочем, не всем удалось сбежать в могилу от встречи с обезумевшей толпой. Принц де Линь рассказал старику, как привезли на эшафот несчастную графиню Дюбарри, возлюбленную Людовика XV. Старик помнил ее совсем молодой – белокурой красавицей. И вот ее, повелительницу сердца короля Франции, волокли на эшафот, а она все молила: «Минуточку, еще одну только минуточку, господин палач!» И толпа хохотала...

Кстати, старик хорошо знал еще одну красавицу (и тоже блондинку), которая пусть кратковременно, но тоже повелевала сердцем короля Франции. И опять прекрас-

ные воспоминания пришли к старику... «Я возрождаю наслаждение, вспоминая о нем...» И он записал эту историю – он снова жил. Малютка О'Морфи... Бедная О'Морфи! Говорят, она еще жива, неужели и она погибнет в этом парижском аду? Неужели и ее тело, которое он так помнил... Боже мой, а ведь ей уже за шестьдесят! Когда он впервые ее увидел, ей было тринадцать лет. Она была «грязная оборванка, но он тотчас разглядел в ней безупречнейшую красавицу». В скольких оборванках он умел разглядеть красавиц!

«Ничто так никогда не владело мной, – записывал он, – как женское лицо...» Что значит воистину любить женщин? Это – суметь разглядеть красавицу в каждой... ну, почти в каждой молодой женщине. «В пятидесятом году нынешнего столетия, – записал старик, – я свел знакомство с художником Натье». Как удивительно писал портреты этот Натье! Когда он писал уродливую женщину, он не менял ни единой черты ее лица, но она всем казалась красавицей. Он тогда только что закончил портреты некрасивых дочерей Людовика XV – «и нарисовал их прекрасными, как звезды»... В чем секрет его волшебства? Просто Натье, которому было восемьдесят лет, по-прежнему любил женщин!

Но О'Морфи была действительно хороша. Старик помнил, как он мыл эту грязную девчонку, как заиграла ослепительная кожа... Малютка позволила ему все за шестифранковый экю, она была покорней барашка. Все, кроме – того. То она оценила в двадцать пять луидоров – так ей велела сестра...

Потом он придумал историю с портретом. Художник изобразил ее обнаженной, она лежала на животе – в позе, которая сводила его с ума. Ну а потом – случайно, совершенно случайно! – портрет показали королю. Ну мог ли Людовик XV – этот гурман, этот коллекционер женской плоти, не потребовать немедленно привезти малютку в Париж? Когда малютка увидела Людовика, она расхохоталась. Изумленный король спросил:

– Почему ты смеешься?

– Я смеюсь потому, что вы как две капли воды похожи на шестифранковый экю!

Эту монету с изображением короля простодушная О'Морфи хорошо знала – она получала ее после каждой ночи. После каждой их безумной ночи, когда, вкусив все наслаждения, он умел оставить ее невинной. Не мог же он подсунуть королю испорченный плод!

В 1793 году, когда старик уже закончил десятый том, в Париже казнили Людовика XVI – некрасивого внука Людовика XV (тот был чудо как хорош!). А потом – и красавицу Марию Антуанетту. Старику показалось это предзнаменованием – окончательной чертой. И он прервал свое повествование, и все последующие годы лишь обрабатывал написанное...

Все тот же принц де Линь рассказал ему, как привезли несчастного Людовика XVI на площадь, которая называлась в его времена площадью Людовика XV. Сколько раз старик прогуливался по этой площади... Теперь это была площадь Республики, и вместо статуи короля воздвигли здесь статую Свободы. Она стояла у самой гильотины, и кровь с отрубленных голов брызгала на статую. Сам народ позаботился о примитивном символе – Свобода была постоянно в крови. А потом пришла очередь королевы... Как красива была Мария Антуанетта! В Париже герцог Лозен как-то показал ему два бокала с изгибом совершеннейшей формы – это была отливка безукоризненной груди Марии Антуанетты. И эта первая красавица Европы была совсем седая, когда ее привезли на гильотину. На ее прекрасном лбу был шрам – она разбила голову о низкую притолоку камеры. Она не умела гнуть шею... Ее везли на свидание с гильотиной в грязной телеге, и толпа осыпала королеву проклятиями. А потом палач показал народу отрубленную голову, и в этот миг мышцы лица сократились – голова открыла глаза...

Старик написал гневное письмо Робеспьеру. Он обожал писать. На множестве страниц он обличил злодеяния якобинцев и изложил свои заветные мысли: «Деспо-

тизм короля – ничто по сравнению с деспотизмом толпы. Толпа вешает, рубит головы, убивает всякого, кто, не будучи сам толпою, осмелится обнаружить свое мнение...»

Это письмо о деспотизме он попытался вставить в книгу, но, кроме нескольких фраз, все пришлось выкинуть...

Ибо книга была особая.

Он написал в ней страшные слова: «Я пишу эту книгу в надежде, что история моя не увидит свет, я тешу себя мыслью, что в последний момент, образумившись, велю бросить в огонь мои записки. Ежели сего не случится, читатель простит меня, узнав, что писание мемуаров было единственным средством, мною изобретенным, чтобы не сойти с ума от горя и обид, которые чинят мне многочисленные подлецы, собравшиеся в замке графа Вальдштейна в Дуксе».

«Многочисленные подлецы» не стоили столь страстного обличения. Это были всего лишь слуги. И развлекались они понятной забавой лакеев – издевались над господином, впавшим в ничтожество. Старик у это было особенно больно – он был горд.

«Он горд, ибо он – ничто, и не имеет ничего. Если бы он был финансистом или вельможей, то наверняка держался бы попроще», – написал о нем принц де Линь. Да, гордый старик был всего лишь приживалом, которого привез в замок хозяин Дукса, граф Вальдштейн, племянник принца де Линя. Богач граф назначил старика своим библиотекарем и платил ему. Сделал он это потому, что старик был забавен – буквально начинен множеством невероятных историй, которые произошли с ним (как он утверждал) в его бурной жизни... А возможно, еще и по обязанности таинственного братства: и старик, и принц де Линь, и граф Вальдштейн были масонами.

Слуги поняли положение старика и развлекались как могли: украли его единственного друга – собачонку, которую он так любил. Старик обожал хорошую кухню, (принц де Линь называл его «хищником застолий»), а слуги постоянно доставляли ему еду пересоленной или пережаренной. Портрет старика, выданный из его же книги, они повесили в клозете...

Но наступали и прекрасные минуты, когда в замке появлялся хозяин – граф Вальдштейн – и его гости. Тогда старик торжественно надевал свой бархатный камзол и папский орден – крест, из которого исчезли все бриллианты (давно уже были заложены). Напудренная коса, хищный нос крючком и здоровенный кадык воинственно торчали – как прежде. И на негнущихся ногах, опираясь на палку с тяжелым набалдашником, он спускался вниз.

Вместе с графом Вальдштейном обычно появлялся в замке и принц де Линь – воплощение всех достоинств ушедшего века: фельдмаршал, прославившийся храбростью, и, конечно, философ и писатель. Но главное – блистательный рассказчик, украшение салонов, которого, по словам его друга графа Сегюра, «при всех европейских дворах принимали, ласкали и который мог развеселить самое унылое общество».

Сей де Линь весьма желчно описал в своих мемуарах сцену явления старика гостям: «Он был бы красив, если бы не был так уродлив. Однако он высок и сложен, как Геркулес... Лицо смуглое, в его глазах, полных ума, всегда сквозит обида, ярость и злость... Он редко смеется, но любит смешить...»

Но часто смеялись не над рассказами старика – смеялись над ним самим... «На нем был шитый золотом жилет, черный бархатный камзол – и все засмеялись» (в постреволюционной Европе исчезли и напудренные косы, и парики, и камзолы, теперь носили мундиры и унылое гражданское платье. Мир стал скучным, а старик – смешным). «Он церемонно раскланялся, как обучали шестьдесят лет назад, – и все засмеялись...»

«И хотя самолюбие старика было всегда начеку», обидчивый и гордый, он все прощал – за дальнейшее. После отличного ужина (наконец-то постарались, каналы!) гости начинали просить его «прочитать что-нибудь из той книги»... Что бы ни писал

принц де Линь, смешливые гости приезжали в замок прежде всего из-за старика – послушать книгу, о которой было столько слухов.

«В ней, сам того не ведая, он превзошел автора „Жиль Бласа“ и „Хромого беса“ – признавался де Линь.

Чтение заканчивалось восторгами, и... гости уезжали. И долго, должно быть, вспоминали старика и забавный вздох Талейрана: «Кто не жил до 1789 года, тот вообще не жил».

И опять старик оставался во власти гнусных слуг, и опять он возвращался в ту свою жизнь – до 1789 года.

И снова приходили тени.

Но почему так страшился старик своей книги? Что было в ней злонамеренного?

Старик почитал себя важным человеком. Он описал в книге, как великие монархи удостаивали его беседы. О чем должен писать важный человек? О победах в политике, на поле брани... Старик писал о победах над женщинами. Сюжет его книги – непрекращающееся любовное похождение (и со всеми подробностями!). Некая «эротическая Илиада», как назвал ее Цвейг. Сто двадцать две соблазненные им женщины были ее героинями.

Точнее, сто двадцать две имели имена. Но ко всем этим совращенным Генриэттам, Мими, Терезам, Камиллам, Тонинам, Катеринам и к тем, кого он скромно скрыл под инициалами М. М, К. К и т.д., следовало прибавить тьмы и тьмы безымянных: «В первые месяцы, что прожил в Дрездене, я перезнакомился со всеми публичными красотками и нашел, что по части форм они превосходят итальянок...»

Формы запомнил, имена – естественно, нет...

Так что в комнате, где он работал, сутками шел карнавал женских теней. Они плыли в исчезнувших колоколах-кринолинах – дамы света, маркизы, графини вперемежку с буржуазками и с потаскухами из самых распоследних борделей. Они исчезали в некоей гигантской кровати, где обнаженные женские тела, накрытые его телом, изнемогали от страсти...

Впрочем, эта фраза показалась бы ему пошлой. Ибо сам он представлял любовь как некий галантный танец (частая метафора в его книге). Он танцевал со своей избранницей, но, еще не закончив танца, еще сжимая ее в объятиях, уже искал глазами другую, следующую.

Да, это был танец. И еще – как это и должно быть в природе – некий круговорот. Любовь всегда требовала денег. Сколько рубашек, платков и панталон пришлось ему купить у Жильбер Боре, прекрасной галантерейщицы, прежде чем он смог приступить к восхитительному: «Я запер дверь, и мы предались любви»!

Он был щедр, он любил одаривать драгоценностями своих избранниц. Но, любя предыдущую, он уже готовился перейти к танцу со следующей, и ему опять нужны были проклятые деньги! Чтобы осыпать знаками благодарности ту, новую... Так что иногда во имя следующей любви он вынужден был уступать за деньги любовь предыдущую ее новому избраннику. Например, передав королю малышку О'Морфи, он получил некоторую сумму... Что делать, надо поддерживать круговорот: деньги должны помогать любви, а любовь – помогать деньгам.

И все-таки оба сравнения – и танец, и круговорот – недостаточны. Перебирая в книге перипетии своей жизни, старик все чаще останавливался на сравнении любви с военной кампанией. Он обожал античность, преданно почитал Горация, читал Петрония и Овидия Назона. Любовь – война, беспощадная эротическая битва, – так мыслили древние знатоки. «Жалок

дряхлый боец, жалок влюбленный старик...» Не пренебрегал он и опытом современников – недаром во время обыска инквизиция нашла у него на ночном столике лучшие наставления по эротическому бою: «Картезианского привратника» (самый непристойный роман его века) и «книжечку соблазнительных поз Аретино».

Конечно, это была битва! И как положено в сражениях, все решала стремительная атака. Надо было только не упустить случай. Взять хотя бы его победу над Мими Кенсон. Он застал ее одну, спящую на постели... Что сделал он? «Стремительно разделся, улегся, а остальное понятно и без слов».

Любовь – это битва, где он жаждал победить, а она – быть побежденной. Но иногда в сражениях возникали сложнейшие ситуации, и решить их было под силу только великим воинам...

И опять старик видел воды Большого канала, гондолу, тьму и чувствовал запах холодного морского ветра. Как он тогда ежился в белом балахоне Пьеро, боялся простудиться на этом ветру, потому что был в поту – он торопился. На острове в домике для свиданий ждала его М. М. – монашенка из монастыря Мурано. Он соблазнил ее совсем недавно и пылал.

Он нетерпеливо открыл ключом дверь и увидел божественную М. М. Она стояла у камина спиной к двери. О, счастье!

Она повернулась, и... о, проклятье! Перед ним была, увы, не М. М., перед ним стояла К. К!

К. К. тоже была монашка и тоже из монастыря Мурано. И он тоже ее соблазнил... но давно. Он знал: нельзя войти дважды в одну и ту же реку. К. К. осталась в прошлом, сейчас он пылал страстью к М. М.

Как все военные задачи, ситуация требовала быстрого решения. Во-первых – тактического. Чтобы продолжать кампанию, он должен был незамедлительно понять: каким путем очутилась К. К. вместо М. М. И он понял это сразу – недаром побывал во многих битвах. Что делать – мужчины, у которых много женщин, имеют обыкновение дарить им одинаковые подарки... Да, это все проклятый медальон! Недавно он подарил М. М. золотой медальон. А когда-то давно он преподнес К. К. золотое кольцо. По мужской торопливости и кольцо и медальон побывали у одного и того же ювелира. И конечно, опытная М. М. тут же начала расспрашивать ничего не подозревающую К. К. о ее кольце.

Когда К. К. восторженно рассказала о бесконечных любовных сумасбродствах дарителя, М. М. не требовалось ничего более. Она уже знала: на такие подвиги способен только один человек во всем мире! И она решила ему отомстить – прислала вместо себя К. К.

Нет, он ничего не имел против этой красотки, но сейчас он жаждал только М. М.! Между тем новые тактические задачи сыпались градом: он узнал, что скромница К. К. не просто дружит с М. М., но порой «является для нее женою, либо муженьком».

Но это его не испугало – «такая любовь лишь забава, лишь заблуждение чувств». Страшное было впереди: оказывается, М. М. любит французского посланника, очаровательного аббата де Берниса (а не просто спит с ним). Проклятье! Но и это он преодолел – сложнейшими ходами в постель к де Бернису была направлена К. К., а сам он остался с М. М. С желанной М. М.!

Победа? О, если бы! Бой продолжался! Он узнает, что любвеобильная М. М. задумала «все сделать общим»: объединить себя, аббата и подругу в одной постели! На это ему открыто намекают. Он может разрушить замысел – достаточно приехать в дом свиданий. Ибо жалкий де Бернис «не свободен от предрассудков», в его присутствии их общая битва не состоится. Но разве Воин Любви может унижить себя ревностью? Разве позволяют ему сделать это его честь и главная заповедь, с которой он всегда шел в бой: «Четыре пятых наслаждения заключались для меня в том, чтобы дать счастье женщине»?

И если женщина хочет другого... Тогда он будет мучиться, но не станет мешать ее наслаждению.

На войне как на войне: только честь превыше всего, все остальное – в жертву победе! Дружба? Какая может быть дружба – на войне есть только победа! Как дружил он

с графом де ла Тур д'Овернь! Граф познакомил его со своей любовницей. Излишне говорить, что его сердце немедленно воспламенилось. И он начал военную кампанию, чтобы овладеть любовницей друга. Обстоятельства складываются необычайно удачно: они все оказались в одной карете. Случай опять за него! И тотчас во тьме кареты он бесстрашно начинает излюбленную – стремительную! – атаку: смело завладевает рукой любовницы графа. Излишне описывать все венецианские сумасбродства, которые он проделал с этой ручкой. И все было бы хорошо, если бы рука любовницы графа не оказалась... рукой самого графа де ла Тур д'Овернь! Проклятье! Граф рассердился? Какая чепуха – ревность смешна для Воина Любви. К примеру, когда некий маркиз вздумал ревновать свою жену, его моментально бросила любовница. И потому, задыхаясь от смеха, граф попросту обнял Казакову. Потому что граф сам был Воином и понимал: на войне как на войне!

На войне не бывает родственников. Однажды он отбил любовницу у родного брата-священника – восхитительную Марколину, девушку не очень строгого поведения. Тотчас воспылав к ней, он провел уже знакомую стремительную атаку. Несчастный брат обратился к нему с мольбой: «Я разорился из-за нее! Я жить без нее не могу! По какому праву ты отбираешь у меня женщину, которую я так люблю?» Он ответил по-военному: «По праву любви, осел! И по праву сильного!»

Брат-священник, влюбленный в девку... В книге старика и в романах XVIII века в весьма рискованных эпизодах действовали священники, аббаты, монашки. Это – традиция века великих философов-атеистов.

Но также – и результат некоего подсознательного страха. Участники этого вечно-го пира, именуемого Галантным веком, этого потока сладострастия, ставшего и нормой жизни, и высшим смыслом («Бедра, грудь, маленькая ножка – вот моя религия», – писал поэт), – все это были люди, воспитанные в религиозном духе. И они пытались примирить свое ежедневное попрание божественных заповедей с тем, что было заложено в их души. Чтение о прелюбодействующих церковниках успокаивало. И они, выходит, тоже...

Было придумано много формул, чтобы оправдаться. «В конце концов, если Господь наградил нас страстями, то смешно им препятствовать», – говорит аббат в сочинении маркиза де Сада.

И еще: в «Опасных связях» – этой любовной энциклопедии XVIII века, когда шевалье де Вальмон решает развратить невинную девушку, он начинает ей рассказывать о выдуманных им самим грязных похождениях ее матери. Он их выдумывает, потому что знает: путь к падению девушки лежит через попрание матери. Свергнув мать с пьедестала, легко добиться радостного разврата от дочери.

Пороча авторитеты, они подсознательно убивали в себе страх перед распутством.

Но за все должно быть заплачено. И революция, которая свершится в конце Галантного века, с ее невиданной кровью, истреблением множества участников галантной оргии, будет тоже платой.

Ибо они забыли: все позволяемо, но не все позволено.

Прекратив писать в 1793 году, все последующие годы старик правил свое сочинение. И в 1797 году, презрев высказанное намерение уничтожить свой труд, он попытался издать свою «Историю» – послал первый том в Дрезден графу Марколини, премьер-министру Саксонии. Но граф величественно не ответил – впрочем, это и был ответ.

Более старик не возвращался к работе. Он стал ждать смерти...

Он умер в начале лета – в первых числах июня 1798 года, и почитатель его принц де Линь, и граф Вальдштейн не приехали проститься со стариком. Все те же подлецы слуги и приехавший из Дрездена муж племянницы Карло Анджелини отвезли его на кладбище.

И в церковной книге записали: «Казениус, венецианец, 84 года». Перепутали и имя, и возраст – кому интересны имя и возраст смешного нищего старика...

Осталась рукопись. Она лежала в библиотеке. Принадлежала она графу Вальдштейну – еще в 1789 году он заплатил своему библиотекарю за все будущие произведения – до его смерти.

Но Карло Анджелини решил иначе в конце концов, после старика должно хоть что-то достаться родственникам. И он забрал рукопись, на титульном листе которой стояло: «Жак Казанова де Сейнгальт, венецианец. История моей жизни».

Похищенную рукопись Карло держал у себя, никому не показывая. Видимо, он ее прочел и не был уверен, что такие воспоминания полезны для репутации семьи. Он отказал и графу Марколини, вдруг решившему купить ее за целую тысячу талеров. Но к счастью, в начале двадцатых годов Карло срочно понадобились деньги, и он продал за жалкие двести талеров все десять томов Фридриху Брокгаузу, основателю знаменитого книжного дома.

В 1822 году появились первые тома.

И мирно почивавший двадцать четыре года в гробу старик восстал. Молодой, яростный, щеголяющий бесстыдством, окруженный нагим хороводом, – он явился в мир!

Его настоящее имя – Джакомо Джироламо Казанова. Шевалье де Сейнгальт – это он придумал.

Иногда еще он называл себя графом Фаруси. Фаруси – это истинное имя его деда по матери, правда дед был не графом, а сапожником. Дочь этого сапожника Дзанетта Фаруси стала актрисой и вышла замуж за актера Гаэтано Казанову в 1724 году. И, как водится в хороших семьях, уже через год у них родился первенец – Джакомо.

Его младшие братья изберут себе вполне благонамеренные профессии. Один станет священником, другой, Франческо, – знаменитым живописцем, членом Французской Академии, гордостью матери. И до смерти Джакомо будут называть «братом того самого Франческо Казаковы». Ничего, Джакомо с ним разделается в вечности – в «Истории моей жизни» он напишет презабавную сценку: зеваки поносят картину его брата, не зная о его присутствии.

Само свое рождение Казанова описал насмешливо: «Матушка произвела меня на свет в Венеции, апреля второго числа, на Пасху. Накануне донельзя ей захотелось раков. С тех пор я до них большой охотник».

Казанова должен был стать священником. Он даже учился в семинарии, но «ночные шалости» (так он сам их называл) подвели... Он был исключен.

Правда, по его словам, к тому времени он... уже окончил университет в Падуе и даже защитил диссертацию по юриспруденции! Как все образованные люди Галантного века, он знал языки – латынь, древнегреческий, древнееврейский, испанский, французский. Немецкий знал хуже, но вполне сносно.

Ему еще нет девятнадцати, а он уже сообщает о множестве своих профессий – был семинаристом, военным, клерком у адвоката, служил у посла,

у кардинала. Путешествовал по Востоку – Корфу, Константинополь... Впрочем, в Турции он чувствовал себя преотвратно, ибо не знал языка и оттого был лишен главного своего оружия – блистательного рассказа...

Ах, эти рассказы Казаковы!.. «Я провел две недели, разъезжая по обедам и ужинам, где все желали в подробностях послушать мой рассказ о дуэли с гетманом Браницким. Частенько там бывал и король».

Шпага – хорошее оружие, но главное – язык. В театрах, в салонах, в трактирах его голова горделиво торчит над слушающей толпой (он отметил в книге и свой рост: метр восемьдесят три). Его слушают, как замороженные, – Казанова рассказывает!

Но голова уже начинает блудливо вертеться – ищет достойную партнершу для боя. Нашел! Теперь он уже рассказывает, не отрывая взгляда от нее. В его любовных

битвах беседа всегда была артиллерийской подготовкой, после которой ослепленного, восхищенного противника можно брать первой же стремительной атакой...

При этом он – кладезь знаний. Давно уже не учась ничему, он постиг все. Он специалист по финансам – организует лотерею, объясняет королю Фридриху Великому, как взимать налоги. В беседе с тем же прусским королем он рассказывает, как строить каналы, в Митаве высказывает некоторые идеи по рудному делу, в Париже основывает ткацкую мануфактуру... Он – математик, теолог, астролог, великий знаток оккультных наук и Каббалы. Он уже не думает, кем ему стать – он стал всем.

Он – искатель приключений, он принадлежит к могущественному племени, которое назовут авантюристами...

Это было время Великой Европейской Скуки. Семилетняя война закончилась, и знатные господа попросту умирали с тоски, не представляя, чем теперь заниматься. Все эти жалкие правители немецких карликовых государств томились в своих убогих дворцах, пока не появлялись они – великие развлекатели, Звезды Авантюры. Калиостро, он же полуграмотный сицилиец Бальзамо... Шевалье де Зон, каковой иногда появлялся в виде женщины и тогда соблазнял мужчин, а иногда – в виде мужчины и тогда соблазнял женщин... Таинственный Сен-Жермен, который рассказывал, как он жил во все века, и все в это верили, а маркиза де Помпадур счастливо показывала мазь, которую дал ей Сен-Жермен. Она должна была сохранить лицо маркизы в состоянии «статус кво». И, старея, она упорно видела «статус кво» на своем морщинистом лице... Девиз у развлекателей был общий: «Есть состояние, которое протратить невозможно, – это человеческая глупость».

Но, пользуясь ею, Казанова искренне жалел глупцов.

Один из самых занятных рассказов в его «Истории» – как он одурачил семидесятилетнюю маркизу де Юфре. Он обобрал богатую старуху, по-

мешанную на оккультных глупостях, – обещал ей зачать сына, в которого она должна была переродиться. Но и плутуя, Казанова остается человеком чести на своем поле боя. Он не имитирует любовное сражение – даже со старухой! Он честно бьется с древним телом. В трудные минуты этого печального сражения он вводит в бой резерв – любовницу Марколину, которая своими ласками поддерживает изнемогающего Воина. И Марколина, «использовав все, чем славятся питомцы знаменитейшей из школ любви – венецианской школы», помогает Казакову победить!

Но восторг старой безумицы, когда он сообщает, что его «солнечное семя» проникло в нее и вскоре она родит самое себя, заставляет Казакову на мгновение почувствовать укоры совести. Однако он тут же успокаивается пленительной фразой: «Не я, так кто-то другой ее одурачит. Так что лучше пусть верит в свое бессмертие, иначе из счастливейшей я сделаю ее несчастнейшей...»

Все это время он разъезжает по свету. Вы можете представить его в Венеции, на Корфу, в Турции, Германии, Голландии, Швейцарии, Испании, Италии, Франции... И даже в Москве или Петербурге – там он тоже был. Как правило, его странствия кончатся печально. Из Лондона ему приходится бежать, спасаясь от виселицы. Его высылают из Флоренции, Вены, Варшавы, Парижа. В Барселоне его сажают в тюрьму, и в Венеции тоже...

Великая сила гонит его по разным странам, ввергает в преступления, заставляет шулерничать, подделывать векселя, драться на дуэлях. Страсть к ней – тысячеликой Женщине.

Голодная страсть, вечный поиск, гон – ради мелькнувшего личика, чувственного рта, женского смеха, обнажившейся груди, наконец, просто ради контура женского тела! Его самое прекрасное приключение – с красавицей Генриэттой – начинается с полуоткрытой двери. Он видит в проем только контур женского тела, накрытого простыней. И все! И этого достаточно – он уже загорелся! Собравшийся уезжать Казанова велит распрячь лошадей, багаж возвращен обратно – он остается...

Только не забудьте подставить главное слово – новое.

Ради нового личика, ради нового смеха, ради нового контура нового тела... Женщина может его остановить, но не может удержать, никакая женщина не стоит свободы, хотя бы потому, что свобода – это новые женщины, счастье нового тела... Вечный гон за новым, в конце которого его, улыбаясь, поджидали две подруги – старость и смерть.

Свою жизнь этот отпрыск комедиантов описывает как театральную пьесу в трех актах. Первый он заканчивает, приближаясь к своим сорока годам. Второй должен был завершиться, приближаясь к шестидесяти. И третий акт пьесы он предполагал окончить в замке в Дуксе. Акт, после которого и должен был окончательно опуститься занавес.

«Коль мою пьесу освищут, – с усмешкой прибавляет он, – я об этом... ни от кого уже не услышу...»

Старая идея «Жизнь – театр» стала расхожей банальностью после знаменитой шекспировской фразы. Но обожатель античности Казанова пьет из другого источника. Это император Август, умирая, спросил с улыбкой: «Хорошо ли я сыграл комедию жизни? Если хорошо, то похлопайте и проводите меня туда добрым напутствием».

Первый акт пьесы написан им целиком – в нем тесно от поверженных женских тел и от самых невероятных приключений. Побег из страшной венецианской тюрьмы Пьомби, куда он на пять лет был заточен судом инквизиции, – чудо изобретательности. Он умудрился бежать ночью через свинцовую крышу... Каждый раз, приехав в Венецию, я шел на площадь Святого Марка. И, глядя на Дворец дождей (там находилась его тюрьма), все представлял, как, отогнув свинцовые пластины, вылезает он на крышу и под луной сидит на ее коньке... чтобы уже вскоре, едва избавившись от страшного заточения, лезть под юбку к «донельзя хорошенькой девушке», имя которой он узнал мгновение назад. И хотя излюбленная стремительная атака в тот раз была безуспешна, и очаровательный противник дал достойный отпор, уже вскоре он смог написать привычно: «Познал счастье в объятиях мадемуазель Терезы де ла М-р...»

...В тридцать девять лет, перед самым концом первого акта, с ним происходит нечто ужасное. Он встречает в Англии молоденькую шлюху и моментально загорается – обычный пожар Казаковы.

И действует он по обыкновению: приступает к решительной атаке. А вот дама поступает необычно: к предмету вождения Казакову не допускает. В неистовстве страсти он пускает в ход деньги, даже насилие – на войне как на войне! Деньги она принимает, но... Обобрав Казакову, негодница ускользает. Более того, дарит предмет неистового вождения Казаковы жалкому ученику парикмахера, и совершенно даром, и на глазах у Казаковы! И все потому, что тот – молод.

Звонок прозвенел – акт заканчивается при первой встрече со старостью. Впервые Воин терпит поражение. Казанова описывает это, как крушение Рима. Он жалок, он рыдает, он готов покончить с собой, он не знает, что делать.

История безнравственная? Удивительно нравственная! Более того – поучительная. Весь первый акт Казанова безудержно соблазнял, обманывал мужей, женихов, обирал всех этих простофиль. И главное оружие его распутства – сверкающая молодость, неутомимая в любовных битвах. И вот накануне сорокалетия грешник получает возмездие: его бьют его же оружием. Чужая молодость обманула его, обобрала, повергла в прах!

Так нравоучительно падает занавес после первого акта.

Второй акт стал последним в книге. Свою комедию жизни Казанова бросает на его середине – не дойдя даже до своих пятидесяти лет. Жаль. Акт обещал быть весьма любопытным...

Кто этот пожилой господин, опирающийся на трость с золотым набалдашником, разгуливающий по грязным кабакам и по литературным салонам? Говорят, он недавно вернулся в Венецию. Но и в кабаках, и в салонах при нем побаиваются говорить. Рас-

сказывают, что прежде за ним водились грешки перед инквизицией. И будто теперь, доказывая свою лояльность, испытывая нужду в деньгах, он сам доносит инквизиции о чтении запрещенных книг, о вольных беседах...

Господин тихо живет с белошвейкой, скромной простолоудинкой Франческой Бускини, и если иногда посещает бордели, то редко, и ходит только к дешевым, немолодым проституткам. Господин экономен.

В архиве инквизиции будут найдены доносы ее штатного сотрудника, подписывавшегося «Антонио Пратолини». Это ужасно, но в 1780 – 1781 годах под этим именем доносил пятидесятипятилетний Казанова...

Может быть, поэтому он не смог дописать второй акт?

И все-таки не прожить ему долго на одном месте: он опять в опале. Не дожидаясь худшего, этот Вечный Жид бросает Венецию, продолжает скитания по Европе: Вена, Париж, Франкфурт, Берлин, Прага... Он мечется в поисках денег, работает жалким секретарем у венецианского посла. Тот умирает – и снова безденежье. Казанова даже решает... уйти в монастырь и стать монахом!

Наконец в 1785 году его подбирает граф Вальдштейн и дает ему место библиотекаря в своем замке Дукс в Богемии.

В замке Казанова услаждает хозяев бесконечными рассказами о юном Казакове.

Их начинают пересказывать в салонах. И другой блистательный рассказчик, принц де Линь, придает им все новые и новые подробности. Слава о жизни Казаковы, о его эротических подвигах распространяется в Праге и в Вене. Граф начинает привозить гостей в замок, угощать их рассказами Казаковы. Пристойными (о побеге из тюрьмы, о дуэли с гетманом Браницким) и непристойными, которые приводят в такой восторг де Линя и всех столичных сибаритов. Казакову даже вывозят в Прагу – потешить тамошних друзей графа. Как он был счастлив после скуки Дукса!

Именно тогда и произошла эта встреча.

В то время ди Понте – либреттист Моцарта – писал либретто для оперы «Дон Жуан». И директору театра, заказавшему оперу, пришла в голову мысль: устроить встречу с Казаковой. Кому, как не Казакове, «специалисту по донжуанизму», объяснить Моцарту и этой продувной бестии ди Понте, что такое Дон Жуан!

И встреча состоялась.

Казанова, который за деньги учил когда-то даже горнорудному делу, естественно, надавал много полезных советов. Но представляю – с какой улыбкой! Уж он-то знал: нет более далеких друг от друга типов, чем Казанова – герой его «Истории» – и Дон Жуан. И об этом напишут все исследователи.

Дон Жуан – образ, созданный в отсветах инквизиции. Главная задача Дон Жуана, цель его обольщения – сдернуть с женщины лживый покров невинности, доказать ей самой, что под ним – одно сладострастие, одна жажда греха. И завоевывая женщину, и разоблачая ее похоть, Дон Жуан повергает ее в отчаяние и раскаяние.

За похождениями Дон Жуана мерещится охота за ведьмами.

Недаром женщины Дон Жуана так его ненавидят. Недаром стараются предупредить друг друга об этой смертельной опасности, об этой проказе по имени Дон Жуан, которая надвигается на несчастных дам!

А Казанова – это совсем другое. Это приглашение к галантному приключению, к плотской радости: «Четыре пятых наслаждения заключались для меня в том, чтобы дать счастье женщине».

Казанова может с полным правом повторить слова принца Филиппа Орлеанского: «Запрещено все, что мешает наслаждению!»

Казанова – лишь сон, который не может стать обыденной жизнью. Может ли Казанова стать мужем? Может ли дождь принадлежать одному полю? Пчела – одному цветку? Его удел – радовать всех женщин, он их общее достояние. И женщины Казаковы радостно передают его друг другу, они делятся им друг с другом. Его никто не рев-

нует, ибо нельзя ревновать облако. Он нереален, как счастье... Впрочем, в одной стране его все-таки приревновала женщина. И так безумно, что чуть не убила. Женщина эта жила в России.

Я все представляю, как, заканчивая беседу, ди Понте поведал ему о возмездии Дон Жуану, о том, как этого развратника утягивает в ад рука Командора. И как усмехнулся Казанова. Нет, Казанова знал – страшен не Командор, есть нечто пострашнее. Это – старость.

И в старости, глядя на свой портрет, он напишет горчайшие слова: «Я не существую. Я лишь существовал когда-то...»

ТАЙНА

Но кто это все написал?

Какой странный вопрос, не правда ли? Это написал Казанова.

А кто он был, этот Казанова? Кто был этот восхитительный боец, победивший полки красавиц? Старик, который умер в замке Дукс, написав «Историю моей жизни»? Или...

Или всего лишь литературный персонаж – герой «Истории моей жизни», в которого старательно играл жалкий нищий старик по имени Казанова? Обольстительный персонаж, из-за широкой спины которого лишь на мгновение вынырнул совсем иной образ – пожилого осмотрительного господина, отправлявшего в тюрьмы людей ради спокойной жизни в достатке...

Образ автора?

Читая книгу, написанную Казановой о его жизни, я все чаще ловил себя на странных мыслях. Они появились не потому, что, согласно его словам, он уже в двенадцать лет учился в падуанском университете и в восемнадцать защитил диссертацию. Не потому, что вся история его побега из тюрьмы упоительно фантастична, не потому, что французский посланник де Бернис, которого Казанова уложил в постель вместе с М. М. и К. К. никакого отношения к ним не имел, не потому, что маркизе де Юфре было все не семьдесят лет, а всего лишь пятьдесят с хвостиком, да и умерла она на десять лет позже, чем схоронил ее Казанова в своей книге; не потому, что множество его любовных приключений являются попросту пересказами анекдотов XVIII века (мы их найдем и в «Хромом бесе», и в эротических романах). Но потому, что однажды я внимательно перечел его биографию.

И некое обстоятельство в ней меня поразило.

Именно тогда мне еретически стало казаться, что тот фантастический авантюрист, которого он изобразил в своей книге, и тот, кто писал эту книгу, – весьма разные люди... Все дело в том, что среди многочисленных своих профессий, которые указывает Казанова, он лишь вскользь говорит об одной, хотя она проходит через всю его жизнь.

Однако венецианский стукач, который в 1755 году написал донос на тридцатилетнего Казакову, называет ее вполне определенно: «Говорят, что он был литератор...»

И ведь, действительно, не зря Казанова будет обращаться в Дрезден к премьер-министру графу Марколини, прося напечатать его «Историю». Именно в Дрездене началась (и с блеском!) его карьера литератора.

В 1752 году, когда ему было двадцать семь лет, в дрезденском Королевском театре итальянская труппа поставила трагедию, переведенную им с французского. В том же году вместе с соавтором Казанова пишет комедию, поставленную в том же театре. И тогда же его комедию «Моллюккеида» вновь ставит все тот же Королевский театр в Дрездене.

Три пьесы за год – в Королевском театре! И две из них явно имели успех, иначе не ставили бы последующие. А вот третья, скорее всего, провалилась. Ибо более Казанова не тревожил Королевский театр своими пьесами.

Но мы знаем об этих – осуществленных творениях. А сколько должно было быть неосуществленных, пропавших во тьме, в неизвестности?

Когда, помирившись с инквизицией, он возвращается в Венецию – он возвращается к перу. Пишет «Опровержение „Истории Венецианского государства“», написанной Амело де ла Уссе, где в нужном для властей духе изложена история республики, и бесконечно переводит...

В 1771 году в Риме его принимают в литературные академии Аркадия и Инфеконди.

И в Триесте он занимается литературным трудом – из-под его пера выходят три тома «Истории смуты в Польше» и роман «Бестолочь».

Он снова в Венеции – и переводит «Илиаду», пишет антивольтеровский трактат, издает сборник «Литературная смесь», где печатает свой рассказ о дуэли с Браницким. И опять переводит множество французских романов – идет постоянная работа литератора!

И с Венецией Казанова рассорится из-за литературных занятий: он перевел роман, который имел успех, но венецианский аристократ Карло Гримальди не выплатил ему гонорар. Как мстит Казанова? Как истинный литератор – пишет язвительный памфлет, после чего и попадает в опалу.

В 1786 году он напишет трактат против Калиостро и Сен-Жермена и пять томов скучнейшего фантастического романа «Изокамерон».

Он работает непрерывно – но бесславно.

Принц де Линь говорит о его сочинениях, написанных до «Истории моей жизни»: «Его писания напоминают старинные предисловия – многоречивые и тяжеловесные».

Видимо, как литератор он и был представлен Вольтеру. Отсюда его фраза:

– Вот уж двенадцать лет, как я ваш ученик. И отсюда вопрос Вольтера:

– Какой род литературы вы избрали?

А ответ свой Казанова явно приписал позже:

– Пока я только читаю, изучаю людей, путешествую... Время терпит.

И вот, оказавшись в замке Дукс приживалом, старый литератор придумал, как улаживать хозяев. Он рассказывает им истории своей жизни – бесконечные истории про любовь.

Истории и вправду с ним случившиеся, а также услышанные от других, бесчисленные анекдоты, которые хранит его невероятная память, реальные и нереальные имена, которые соединяются с его фантазиями, – все сваливает он в один котел, все передает ему – герою своих рассказов, молодому Казанове.

Именно тогда он с горечью понимает: зачем изучать историю Польши, Венеции, размышлять и философствовать в «Изокамероне»? Вот что им нравится, вот за что они готовы платить... И он решает записать свои рассказы.

Уже приближаясь к могиле, старый литератор нашел себя. Работая по двенадцать часов в сутки, он открыл законы будущего успеха. Герой должен быть удачлив, публика любит истории о Победителе. О методах Победителя.

Именно поэтому он вовремя остановился на середине своего повествования. Не потому, что боялся своих шпионских дел – кому они были известны! Он просто понял: Победитель не может быть стариком.

Вот откуда фраза в его письме: «Я решился бросить мемуары... ибо, перевалив за рубеж пятидесяти лет, я смогу рассказывать только о печальном...»

И был еще один закон, тоже им открытый.

Казанова – старик хорошо знал людей: если рассказывать им о себе вещи низкие – только тогда они поверят и в высокие. Чтобы люди верили во все его фантастические

любовные победы, он решает открыть им «преисподнюю любви», как назовет ее кто-то из исследователей... И он описывает свои бесконечные венерические болезни, мочу в ночном горшке, пот любовного труда – тайную физиологию любви.

Правда, он немного перестарался.

«Остановило меня в моих набегах лишь недомогание, каковым наградила меня одна красавица венгерка... было оно седьмым по счету», – так Казанова пишет о времени, когда ему было только двадцать пять лет. А впереди была еще целая «эротическая Илиада»!.. Нет, не создать бы ему эту книгу, не осилить, приближаясь к семидесяти годам, труда по двенадцать часов в сутки, требовавшего физической мощи и главное – памяти, если принять на веру такие сообщения...

Все была игра, все была – литература!

Но, рассказывая о Победителе, литератор Казанова не забывал о морали, как не забывали о ней создатели Дон Жуана, отправляя своего героя в преисподнюю. Порок – пусть самый обольстительный – должен быть наказан! И оттого в конце первого акта книги и появилось то самое наказание героя – коварной шлюхой.

Итак, он был сочинен, молодой Казанова, как был сочинен молодой д'Артаньян.

Д'Артаньян побеждал на полях битв, и Казанова – на полях битв (в бесчисленных постелях). Великие истории о Победителях!

Но «тикали часы», и «весна сменяла одна другую».

Закончился XVIII век. И те, кто отрубил голову королю в Париже, уже успели порубить головы и друг другу. И все это время в столице Франции сбрасывали статуи – сначала королей, потом революционеров, потом корсиканца, сменившего этих революционеров... А потом все статуи возвратили на место.

К двадцатым годам XIX века эта скучная карусель сменилась мифом. Мифом о Золотом Времени, об утерянном Галантном XVIII веке... Так что книга Казаковы, начавшая печататься в 1822 году, поспела вовремя.

И Казанова шагнул в этот новый век, век рантье, в великолепии своих бесчисленных любовных приключений, заставив печально вздыхать все будущие поколения женщин.

Юный Казанова в книге старого Казаковы сумел соблазнить сто двадцать две женщины.

Старик Казанова своею книгой сумеет соблазнить их всех!